

ской и Симеоновской. Поскольку рассказ Симеоновской в основном сходен с рассказом Никоновской, за исключением 4 мест, не имеющих в данном случае значения, мы будем сравнивать Тверской сборник с Никоновской.

В Тверском сборнике, по сравнению с Никоновской, отсутствуют: размышления Михаила накануне встречи иконы и ночная молитва Михаила, в которых он, пока еще самому себе да богу, говорит о желании постричься в монашество; разговор Михаила с епископом Арсением наедине о том же; рассказ о смятении в городе при распространении известия о намерении Михаила постричься. Речь Михаила перед иконой сокращена и совершенно изменена по смыслу: в Никоновской Михаил опять-таки говорит о своем желании принять монашество: «да у тебе почюю, прежде даже не отъиду»,⁹⁶ а в Тверском сборнике он просит у бога сподобить его «неосужденно стати пред тобою на страшном... суде».⁹⁷ Совершенно изменена речь Михаила к народу по выходе из храма Спаса: в Никоновской он в ней сам всенародно назначает себе преемника, а в Тверском сборнике только просит прощения у народа, а у бога царствия небесного. Ответ народа в Тверском сборнике также отсутствует. Сцена пострижения Михаила Арсением в Тверском сборнике сокращена до одной фразы — сообщения о самом факте. О дальнейшем пребывании Михаила в монастыре в Тверском сборнике не упоминается. Зато в нем, в отличие от Никоновской, сам Михаил, уже после пострижения, сообщает епископу имя своего преемника, и уже епископ объявляет его народу. Весь дальнейший текст Никоновской, начиная с пострижения Михаила, начисто отсутствует в Тверском сборнике, где после этого сообщения идет гораздо более короткий и совершенно иной текст.

Итак, если оказалось, что в Тверском сборнике имеется особый, не сходный с прочими, рассказ о кончине Михаила и особый, не сходный с прочими, вид «Повести о Михаиле», у которого недостает конца, то следует считать доказанной отодвинутую в забвение авторитетом А. А. Шахматова догадку В. О. Ключевского и И. А. Тихомирова о том, что это части одного и того же произведения, разрезанного позднейшим составителем: «конец его он поместил под годом смерти Михаила, так как в последней части жития описывалась кончина князя, а начало жития он поместил дальше, не заботясь о хронологической точности».⁹⁸

Этот вывод подтверждается при рассмотрении следующих двух вопросов. Во-первых, если наш вывод неверен, то может ли рассказ о преставлении Михаила «Повести» Никоновской летописи или «Повести» Симеоновской летописи являться, как это утверждал А. А. Шахматов, отсутствующим в Тверском сборнике концом «Повести» этого сборника? И, во-вторых, если наш вывод верен, то подходит ли рассказ о смерти Михаила Тверского сборника в качестве окончания к «Повести» Тверского сборника?

Концом «Повести» Тверского сборника не может являться рассказ о преставлении Михаила «Повести» Никоновской летописи прежде всего потому, что в нем Михаил, прощаясь с народом, объявляет: «... се вам оставляю любимаго и старейшаго сына моего В а с и л и а, да будет вам князь в мое место...».⁹⁹

Иначе сказано в так называемом «Древнем летописце» — Лицевом своде эпохи Грозного. Но этот последний представляет собой особый летописный свод, хотя и имеющий в основе Никоновскую. Этот свод со-

⁹⁶ ПСРЛ, т. XI, стр. 179.

⁹⁷ ПСРЛ, т. XV, стлб. 459.

⁹⁸ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверской летописью, стр. 283.

⁹⁹ ПСРЛ, т. XI, стр. 181.